

Волконский В. А.

Факторы активизации экономического развития и роль государства в современной России

В странах западной цивилизации основную роль в преодолении экономических кризисов играет активизация социального слоя предпринимателей. В России этот слой имеет значительно меньшее значение. Периоды успешного социального и экономического развития связаны с эпохами культурно-идеологического подъема, с одушевлением общества идеями Общего дела. В России и Китае важнейшим инициатором и двигателем социально-экономического развития, как правило, является государство. Духовно-идеологический кризис, связанный с разрушением Советского Союза, может быть в значительной мере компенсирован установкой на совершенствование государства, создание эффективной планово-рыночной системы.

О причинах различий в успешности экономического развития. Для современной России необходимо повышение темпов экономического роста, а для этого надо выявить общие факторы активизации экономической деятельности. Сейчас активно ведутся исследования причин резких различий разных стран в успешности экономического развития. Основой для них служит давно выявившийся факт гораздо более успешного развития стран западной цивилизации. В идеологических противостояниях XIX-XX столетий главное внимание уделялось классовой структуре общества, классовой борьбе, обоснованию идеологических установок, влиянию индивидуальных и коллективных ценностей. Относительно недавно в качестве важнейшего фактора стал фигурировать не просто институт права собственности, а качество этого института, его надежности, гарантированности. Эрнандо Де Сото [14] убедительно объяснил, почему в странах периферийного капитализма даже значительные богатства (в

основном земля и жилища)¹ часто не превращаются в капитал, т. е. не вовлекаются в экономические процессы с целью получения дохода. Это те накопления, на которые права собственности не оформлены, не защищены государством. Это нелегальные объекты собственности.

Право собственности, как любое право, не может быть гарантировано на 100%. Любое использование объекта собственности (включая простое сохранение) сопряжено с рисками. Оформление права собственности передает большую часть рисков под ответственность государства. Благодаря этому, объект обретает способность быть обеспечением кредитов и участвовать в любых других транзакциях. Не менее важно государственное гарантирование оформленных соглашений. В западных странах любая единица имущества, кроме своего материального существования, существует еще как объект в правовой системе, за который несет ответственность государство. Причинами нарушения прав служат как слабость государства, так и недостаток его внимания к определенным аспектам правовой системы. Например, имущество граждан может быть хорошо защищено от прямого бандитского отъема имущества, но плохо защищено от мошеннических схем смены номинального собственника, от обманов при купле-продаже. Серьезным препятствием для активизации экономической деятельности может стать отсутствие достаточно полной информации при документальном оформлении прав собственности или рыночных транзакций. Такие факторы связаны также с неспособностью значительной части населения квалифицированно пользоваться своими правами, с недостатком правовой культуры. Становится понятным актуальность тезиса теоретиков нового конфуцианства в Китае, что государство должно быть «больше, чем общество». Оно может и должно не только служить выразителем и исполнителем идей и установок общества, но и его воспитателем.

---

¹ По оценке группы Де Сото, недвижимость, используемая бедняками стран третьего мира и стран бывшего соцлагеря, к концу 90-х годов составляла примерно 9,3 триллиона долларов.

Частота или вероятность нарушения норм права является важным измерителем качества правовых институтов. Другим измерителем может быть средний объем потерь общества или лиц - потерпевших при таких нарушениях.

Причина низкого качества правовой системы всегда связана с недостатком профессионализма или коррумпированностью государственного аппарата (бюрократии). Де Сото подробно описывает затраты и трудности, связанные в странах периферийного капитализма с регистрацией нового предприятия или разрешением на строительство нового дома. В результате образуется «невидимый, но плотный» барьер, ограничивающий доступ к легальной собственности, который выделяет западные страны и богатый слой населения периферийных стран. Этот институциональный барьер сходен с барьером, ставящим в более благоприятные условия крупнейшие организации по сравнению с малым и средним бизнесом. Этот барьер оказывается более плотным, чем большинство барьеров между отраслевыми рынками и экономическими секторами. Ф. Бродель называл его «стеклянным колпаком (или куполом)».

В последнее время в концепциях факторов успешности экономического развития основное внимание уделяется роли доминирующих в странах институциональных систем. Концепция работ одного из наиболее известных теоретиков институциональной экономики Д. Норта (с соавторами) ориентирована в первую очередь на выявление и преодоление условий и механизмов, обеспечивающих неравенство. Институциональные системы обозначаются как социальные порядки. Различие позитивных и негативных систем связано со свободной или ограниченной доступностью (ПСД и ПОД) для членов общества принадлежности к элитным сообществам и, соответственно, с возможностью влиять на процессы принятия решений, получения институциональной ренты и т. д. Подробное описание, сопоставление и анализ этих и других концепций имеется в статье В. М. Полтеровича [5], [6].

Совершенствование институциональной системы несомненно является важным условием повышения экономической активности. Однако для России, по-видимому, этого условия недостаточно. Одно из отличий России от западных стран можно упрощенно обозначить как *нехватку предпринимателей*, недостаток капиталистов. Возможно, более адекватно этот фактор следует обозначить как недостаток доверия к институтам рынка, недостаток традиций рыночного взаимодействия.

В Америке масса потенциальных предпринимателей обеспечивают постоянный поиск технологических и социально-экономических инноваций, обещающих высокие прибыли. Так что можно почти не сомневаться, что для любого ценного творческого достижения найдется предприниматель, который с энтузиазмом возьмется за его доработку и реализацию. Индикатором предприимчивости может служить доля новых фирм среди всех существующих. Социологические опросы показывают, что предприимчивость в значительной мере определяется общими духовно-психологическими установками. Индикатором может служить также «боязнь провалиться» при начале нового бизнеса. Этот показатель в наименьшей степени обнаруживается у американцев. Там провалиться несколько раз – предмет гордости [3, с. 39].

В России возникновение новых частных фирм – гораздо более редкое явление, чем в странах Запада. Об этом свидетельствует сама доля малых предприятий. У нас доля малого бизнеса как по численности занятых, так и по объему производства (доля в ВВП) значительно меньше, чем в США и странах Западной Европы. С середины 90-х годов, несмотря на усилия государства стимулировать и поддерживать малый бизнес, она устойчиво сохраняется на уровне в несколько раз более низком, чем в странах Запада ².

---

² Судя по публикациям Росстата, в России в 2000-е годы наблюдается высокий темп роста числа малых предприятий (МП), а также численности занятых и их суммарной выручки. На этом основании возникла гипотеза (см., например, [12]), что восстановление устойчивого роста всей российской экономики может быть достигнуто именно за счет создания благоприятных условий для развития МП (в первую очередь, сокращения «бюрократического прессинга» и отмены большинства нормативных ограничений). По моему мнению, сама основа этой концепции – предположение, что рост МП может быть драйвером устойчивого роста экономики в России – явилось результатом неправильной

Сейчас главное внимание власти и общества направлено на реализацию национальных проектов, на приоритетное развитие информационных технологий, цифровизации, т. е. на решение тех задач, где главная роль принадлежит государству. И это правильный выбор стратегических приоритетов. Гораздо меньшая роль предпринимателей в России по сравнению со странами Запада - это одна из черт, характеризующих различие этих цивилизаций.

«Догоняющие» страны для активизации экономической деятельности пытаются копировать институциональную систему лидирующих стран капитализма. Но при этом обычно недооценивается роль духовно-идеологических факторов и установок. С духовными подъемами связаны феномены беспрецедентных экономических «рывков» XX столетия, получивших название «экономические чудеса» (в первую очередь, надо указать на СССР в 20-30-е годы и Китай, начиная с конца 70-х годов). Исторический прогресс все больше определяется не задачей удовлетворения физиологических потребностей (материальные условия выживания и производства), а задачами совершенствования социума – потребностью в надличностных смыслах жизни (познание, религиозная вера, интересы своего народа или профессионального коллектива, ожидаемое будущее, безопасность).

интерпретации статистических данных о росте МП. Рост числа МП и занятости на них происходил только за счет микро-предприятий. По остальным МП таких успехов не наблюдается. А высокий уровень выручки (на много выше, чем в среднем по всей экономике) – в значительной мере за счет использования микро-предприятий для нелегальных финансовых операций – уход от налогов, незаконное использование бюджетных средств, отмывание денег, в частности, фирмами-однодневками.

Считается, что малые предприятия выполняют задачу пополнения «кадрового резерва» предпринимателей. В СССР и в современной России эту роль играли и играют в большей мере крупные хозяйственные организации. Возможно, поэтому наши инициаторы и организаторы экономического развития в большей мере обладают способностями к работе в крупных организациях, чем к независимой деятельности в условиях рынка малых и средних предприятий, с ценностной установкой на служение больше, чем на обогащение.

В России периоды подъема и наиболее успешного развития приходится на те эпохи, когда общество одушевлено «Общим делом» и главный двигатель этого Дела – государство. Жизненным смыслом для большей части элиты становится Служение этому Общему делу и государству. Аналогом либеральной свободы в такие периоды служит социальная мобильность, «лифты вертикальных перемещений». В СССР важнейшим фактором активизации экономической и общественной жизни была идеология социализма.

XXI век резко отличается от XX тем, что идеологии капитализма и социализма в значительной мере потеряли свою силу. Видимо тот духовный и культурный кризис, который сейчас отмечается многими авторитетами в интеллектуальной и культурной сфере, может быть в значительной мере преодолен (или хотя бы смягчен) тем, что само государство, его совершенствование может стать важной смысловой и целевой ценностью для общества.

Потребность человека в надличностных смыслах жизни. В человеке, как во всяком живом существе, заложен мощный инстинкт самосохранения. Каждый знает, что его индивидуальная жизнь очень уязвима, хрупка, недолговечна. Даже для обеспечения условий физического существования на ближайший период ему необходимо сохранение определенной социальной группы, коллектива для совместных действий. Уже высшие животные в своем поведении реализуют инстинкт самосохранения, отождествляя психологический комплекс «я, я сам» со своим потомством, с семейством (прайдом), стаей.

Чтобы обеспечить надежность своего безопасного существования, продлить его, человек научился отождествлять, идентифицировать смысл, ценность собственного бытия с ценностью и значением более широких сообществ – племени, народа, или соответствующей организации – государства, церкви. Возможность идентифицировать себя со все более

многочисленными сообществами давала важное преимущество этим сообществам перед немногочисленными, поскольку заставляло находить способы устранять внутренние конфликты, координировать действия в масштабах больших групп, создавать устойчивые организации. Наиболее древние большие сообщества, с которыми отождествляет себя человек, - это этносы и нации, возникающие и развивающиеся естественным путем на основе общности языка, природной среды, образа жизни. Осмысление и одухотворение развития этноса, нации порождает этнические и национальные культуры. Сообщество, осознавшее свою общность, становится народом.

Для религиозного сознания земная жизнь, кратковременная и подверженная постоянным изменениям, не может быть окончательным смыслом. Здешнему миру противопоставляется Бог или Небо, находящиеся вне «здешнего мира». Смысл земной жизни – в достижении этого Вечного (или возвращении в него). Для античных философов это Бытие в противоположность Становлению.

Узлы, сгустки смысловых, культурных, идейных связей оформляются в религиозные, философско-этические, идеологические учения, которые становятся опорами для идентификации человека с теми или иными **надличностными Смыслами**.³ Говоря об идентификации себя с некоторым

---

³ Понятия жизненного смысла и идентификации человека коррелируют с категорией *психологической установки*, которая получила статус научной категории благодаря трудам советского психолога и биолога Д. Н. Узнадзе (30-е годы прошлого века) и последователей его школы. Состояние установки – это устойчивое состояние готовности или предрасположенности психики (в биологических исследованиях – всего организма) к определенной реакции на некоторую группу сигналов (стимулов) и к определенному типу деятельности. Факторами формирования установок у животного или человека могут быть как конкретные условия его индивидуальной жизни, так и предрасположенность, возникшая в результате эволюционного развития длинной цепи его предков. Как правило, разделить эти причины вовсе не просто. Впоследствии понятие установки стали применять и социологи – как *социальную установку*, относящуюся к индивидам и сообществам. Эта категория близка к чаще используемой категории *система ценностей*.

сообществом, имеют в виду обычно отождествление с его идейной, смысловой сущностью. Индивид, как правило, идентифицирует себя с той или иной идеологией, духовностью, пользующейся авторитетом в обществе (подробнее см. в [20]).

Потребность в высших смыслах жизни, по своему значению для человека, сопоставима с любыми другими потребностями. Невозможность ее удовлетворить часто становится трагедией, которая ведет человека к поступкам на грани смертельного риска. Вспомним Лермонтова. Ведь буквально вся его лирика – неприятие существующего общества, наличного земного мира. Самые светлые его стихи – это мечта о несбыточном, нездешнем. Ведь Демон – это его лирический герой. Он действительно чувствует себя одиноким «духом изгнания». «Бородино» - чуть ли не единственное стихотворение, в котором он смотрит на мир глазами Льва Толстого, который лучше всех других писателей показывает человека, живущего всеми здешними, земными смыслами своего сообщества, народа.

Эти духовно-идеологические сущности являются также важнейшими скрепами, обеспечивающими устойчивость и развитие сообществ. Духовно-идеологические учения могут возникать не в результате осмысления развития естественно сложившихся сообществ, а наоборот, становиться основой для появления новых сообществ. Такую историю имеют мировые религии и универсальные (наднациональные) идеологии.

Любая религия или идеология, как любое живое существо, не вечно. Энергия любого Смысла, долгое время определявшего и двигавшего исторические процессы, в другие периоды ослабевает или вообще становится достоянием архивов и музеев. Духовное пламя обычно не исчезает совсем. Его энергия переходит из активной в потенциальную, спящую форму и способна к обновлению. Часто оно становится вдохновителем нового исторического Смысла. Специалисты по истории музыки утверждают, что даже самые «революционные» стили блюза и рока, как правило, основывались на традиционных образцах музыкальной классики. К

сожалению, причины и особенно сроки новых духовных «возгораний» пока человечество не научилось прогнозировать. Остается высказывать гипотезы.

Каждое сообщество для обеспечения своей устойчивости и развития создает свою институциональную систему. Важнейшим инструментом, обеспечивающим достижение любых результатов, является **организация**, члены которой «заряжены» единой целевой или идеологической установкой (особенно, если и не расколота культурными или мировоззренческими различиями). Такая организация оказывается на порядок сильнее, чем гораздо большая по численности неорганизованная масса. Организация, возникающая на основе этнических и национальных сообществ, - это **государство**. Его роль настолько велика, что оно само становится важнейшей смысловой ценностью, часто наделяется сакральным Смыслом. Смысловыми, ценностными узлами становятся церковь, нередко также армии, крупные промышленные корпорации, научные институты. Джон Гэлбрейт в [8] специально описывает феномен самоотождествления, идентификации работников крупной корпорации с ее целями и интересами. В 1970 – 80-е годы среди экономистов был большой интерес к японскому экономическому чуду, к работам японских экономистов и, в первую очередь, к этому феномену в крупных японских корпорациях – кэйрецу.

Крупная устойчивая организация образуется в результате длительного процесса развития и обучения, подобно живому организму. Недаром люди, как правило, относятся к живому существу как к самостоятельной ценности. Мы знаем, что для возникновения «цепочек» ДНК потребовались миллионы и миллиарды лет «проб и ошибок». Крупная, длительно действующая организация, как правило, не может быть легко заменена другой аналогичной организацией. Это не стандартное, серийное изделие. Оно «вырастает» как результат духовного творчества и по своему воздействию на общественную жизнь становится смысловым центром и самостоятельной ценностью. Оценка направления и результатов деятельности крупной организации определяется теми смыслами, той идеологией, которую задает

смысловой центр более высокого уровня. Смысловые узлы в духовно-идеологическом пространстве имеют определенную иерархическую структуру.

В периоды стабильности духовно-идеологических ориентиров и этических правил жизни, большинство общества, народа обычно идентифицирует себя с привычными традиционными ориентирами. Группы меньшинств – с идеологиями, требующими серьезных перемен в устройстве общества. Ядром идеологии может быть либо мечта и вера в светлое будущее, либо тоска по великому прошлому, верность традиции.

Сейчас очевидна необходимость признания *эволюции духовно-идеологической сферы* как важнейшего сектора развития человечества, достаточно самостоятельного и независимого от других секторов, таких как развитие науки и технологий, экономических и политических институтов и т. д. Отказ от такого признания аналогичен отрицанию номиналистами (в средневековой схоластике) реального существования объектов, обозначаемых общими понятиями (универсалиями), считая эти последние – лишь условными словесными обозначениями для множества реальных единичных вещей.

Сущности духовно-идеологической сферы (религии, идеологии, философско-этические учения, национальные культуры, научные теории) служат необходимыми скрепами, обеспечивающими долгосрочное единство человеческих сообществ, их взаимодействие друг с другом и воздействие на исторические процессы. Для их общего наименования в ряде эзотерических, масонских текстов, в учении Нью-Эйдж используется термин *эгрегор*. Его определение не установилось четко и часто трактуется не однозначно. Являются ли эти сущности, эгрегоры (подобно универсалиям или концептам у номиналистов) мыслительными образованиями, существующими только в умах людей, или это некая субстанция, неизвестная физикам, остается неизвестным. (Есть специалисты, которые уверяют, что душа человека, которая покидает тело после смерти, – это

вещественный объект, и даже удалось измерить его вес – 21г). По моему мнению, в структуре общественных наук (в системе науки и образования) необходимо выделить самостоятельную специальность под названием «Эволюция духовно-идеологической сферы».⁴ Поскольку сейчас именно в этом пространстве будет происходить главный выбор будущего пути человечества.

Смысловые установки как двигатели истории. Теория марксизма объявляла главными двигателями истории те факторы, которые Маркс назвал базисом. Это была, наверно, первая теория, охватывающая весь исторический процесс, которая отвечала требованиям к теории научной (не обязательно единственно верной). Концепция Маркса настолько многое могла хорошо объяснить, что до сих пор как многие ученые и политики, так и люди, далекие от этих сфер, склонны считать сдвиги в производстве и правилах экономической деятельности основными двигателями исторических процессов, а духовные, идеологические установки в обществе – производными, результатами этих сдвигов. Между тем, в истории было много периодов, когда условия производства и материальные условия жизни людей не менялись, а в сфере религиозной или идеологической жизни происходили бурные, судьбоносные события, вплоть до религиозных или межнациональных войн.

В создании Марксом концепции базиса как главного, первичного двигателя истории отразилась его эпоха – небывалый подъем экономической и технологической активности при капитализме и повышения возможностей совершенствования материальных условий жизни. Однако последствием и результатом этого подъема стало то, что сам базис все больше становится

---

⁴ У Льва Тихомирова есть фундаментальный труд «Религиозно-философские основы истории» [21]. Это по существу история религиозных учений с описанием их роли в исторических процессах, написанная просвещенным мыслителем-христианином в начале XX столетия. Я уверен, что в обозримом будущем появятся книги, подобные книге Л. Тихомирова, но охватывающие не только религии, но и светские идеологические учения.

производным фактором, зависимым от политического состояния властвующей элиты и духовного состояния народа. Феномены беспрецедентных экономических «рывков» XX столетия, получивших название «экономические чудеса» (в первую очередь, надо указать на СССР в 20-30-е годы и Китай, начиная с конца 70-х годов), демонстрируют возможности радикального преобразования производительных сил и производственных отношений в стране за одно-два десятилетия. Необходимые расширение и обновление теоретического аппарата внес в марксизм еще в 30-е годы Антонио Грамши. К сожалению, у нас его труды мало известны.

К 1917 году соответствующая теория не была разработана. Согласно ортодоксальному марксизму, была возможность только буржуазно-демократической революции, после которой предполагается значительный период капиталистического развития, подготавливающий базис для строительства социализма. В то же время в России в силу огромного революционного потенциала трудящихся классов и политической слабости буржуазии, социал-демократическая партия вынуждена была брать власть и, стало быть, ответственность за капиталистическое развитие страны. Именно осознание большевиками возможности с помощью государства и пролетарской партии у власти формировать и ускорять развитие базиса позволило Ленину избежать этого двусмысленного положения и поставить задачу построения социализма.

На протяжении всей истории, важнейшей смысловой установкой была задача удовлетворения основных физиологических потребностей. С развитием человечества она трансформируется в задачу обеспечения комфорта, в социальную установку удовлетворения этих потребностей не только для себя и своей семьи, но и для своего племени, своего народа, в создание капитала, гарантирующего их удовлетворение в будущем. Теперь в результате технологического и экономического прогресса, человечество имеет возможность полностью удовлетворить физиологические потребности

всего населения Земли. Потребность в надличностных смыслах стала, повидимому, даже более острой и настоятельной. Доля экономически активного населения, занятого производством благ, удовлетворяющих материальные потребности (и доля рабочего времени, затрачиваемого на производство), быстро сокращается. Вполне возможно, в недалеком будущем острой проблемой станет не дальнейшее сокращение этих затрат, а замещение тех жизненных смыслов, которые дает участие в производстве, для высвобождаемых из него контингентов населения.

Исторический прогресс все больше определяется не задачей удовлетворения физиологических потребностей (материальные условия выживания и производства), а задачами совершенствования социума – потребностью в надличностных смыслах жизни (познание, любовь, красота, религиозная вера, интересы своего народа или профессионального коллектива, ожидание будущего, безопасность). В свое время высшими точками на этом пути были мировые религии с представлениями о бессмертных Богах, оберегающих традиционный порядок на земле, и о бессмертной душе у каждого человека. Переломный момент наступает со сменой мировоззренческой парадигмы (по крайней мере, в сознании элиты): в европейской цивилизации на высший уровень значимости вместо христианской религиозной основы вышло научное (материалистическое) мировоззрение. В результате расширения знаний о мире человек оказался беззащитным и подобным плесени на маленьком земном шарике, который сам еле различим в просторах необозримой Вселенной, среди постоянно меняющихся стихийных угроз. Единственный путь сохранить (найти, выстроить) Смысл своего существования был в том, чтобы наделить феномен Человека, его Разум, его Историю сакральным Смыслом и отождествить смысл личной, индивидуальной жизни с Историей человечества, в которой он может быть действующим лицом (см. также [3]).

Этому способствовали успехи в технологической, экономической, социальной сферах жизни и небывалая скорость перемен. Сложившаяся

мировая система привела к беспрецедентному рывку человечества, подняла его на небывалый уровень технологических, производственных, познавательных возможностей. В результате человеческий род утратил инстинкт коллективного самосохранения. Только Вторая мировая война и создание ядерного оружия (скорее даже только постепенное осознание опасности возникших угроз) заставили начать замену «подросткового» клича «Время, вперед!» на более взвешенное, «взрослое» отношение к мудрости консерваторов об устойчивости и стабильности. Есть надежда, что опыт «века войн и революций» частично усвоен. Что век XXI потомки будут вспоминать как век переосмысления путей пройденных и поиска путей предстоящих и новых Смыслов.

В XVII – XIX столетиях в качестве духовно-идеологических двигателей истории, потеснив мировые религии и национализмы, на первый план вышли идеологии капитализма (либерализма) и затем социализма. Каждая из них создавала свою институциональную систему. XXI век резко отличается от XX тем, что идеологии капитализма и социализма, в XX столетии определявшие основные исторические процессы, в значительной мере потеряли свою силу. Процесс конвергенции захватывает как институциональную, так и идеологическую сферу. Сейчас все коммунистические партии признают необходимость сочетания планирующего и рыночного механизмов, общественной и частной собственности. капиталистические общества интегрируют в свою социально-экономическую структуру элементы, заимствованные часто у стран социализма: улучшение условий труда (ограничение длительности рабочего дня, ежегодные отпуска, минимум оплаты труда), социальные гарантии(пенсии, пособия), сектора, финансируемые из бюджета – здравоохранение, образование. Европейская социал-демократия после Второй мировой войны встала на путь реформизма и компромисса с буржуазным государством, поставив целью построение «государства всеобщего благосостояния».

Официальные идеологии в реальной жизни часто не соответствуют тем целям и декларациям, ради которых они создаются. Поэтому при определении социально-экономического статуса конкретных стран, в отнесении их к тем целям и идеологиям, которые заявляются при создании государства, часто нет единодушия у специалистов. Относить ли Китай к странам социализма или капитализма? Более устойчивыми и различимыми часто остаются только сущностные образы, символы, социально-психологические установки («экстракты» из многоаспектно разрастающихся идеологий), которые реально определяют систему социально-экономических и идеологических отношений, сложившуюся в данном сообществе в данный период.

Доминирующую духовно-идеологическую (и социально-психологическую) установку капитализма можно определить как **стремление к обогащению** индивида на основе системы прав **собственности**.⁵ Для высших слоев общества, представителям которых высокий уровень материального благополучия достается по наследству, обогащение не является самоцелью. Оно служит главным условием сохранения и расширения власти, контроля и влияния в обществе. Для элиты основная установка может быть обозначена как **обогащение ради власти**.

Основную установку социализма можно определить как **признание высшей ценностью интересов и целей общества как целого**, с системой внутренних социальных отношений, отвечающей **принципам справедливости**. Причинам ослабления идеологии социализма и крушения социалистической системы посвящено много работ. Подробный анализ на основе марксистской методологии с учетом современного исторического опыта дан в книге [23].

---

⁵ Один из наиболее известных современных социологов И. Валлерстайн определяет главную характеристическую черту капиталистической системы как «стремление к бесконечному накоплению капитала [22, с. 25].

Сейчас нередко можно услышать: «Капитализм выработал свой ресурс». Смысл этого постулата не только в том, что структура мировых рынков становится чрезвычайно монополистической, что низко- и средне- доходные слои населения не могут предъявить достаточный спрос на развитие производства, и государство вынуждено «вмешиваться» в работу рыночного механизма. Дело в том, что судя по ряду признаков, в долгосрочном историческом аспекте **социально-психологическая установка на обогащение перестает быть доминирующей**, какой она была на протяжении столетий капиталистической формации.

Об ее безраздельном доминировании можно говорить относительно тех секторов деятельности человека, где результаты этой деятельности отчуждаются от работника. Это в первую очередь сектор хозяйственный – производство товаров и торговля. За счет отчуждения, результат труда не содержит достаточно «смыслового элемента» для работника. Этот недостаток возмещается достижениями (стремлением к ним) на поле обогащения. Творческие профессии (наука, культура) содержат этот смысловой элемент в самой трудовой деятельности. Можно предположить, что его гораздо больше и у работников здравоохранения и образования. Поэтому здесь в принципе можно обойтись без рынка и капиталистической установки – в большей мере, чем в производстве. Доля в населении работников производства и торговли в большинстве стран быстро сокращается. На протяжении, по крайней мере, столетия растет доля расходов государства в национальном доходе и, соответственно, – доля «бюджетников».

Установка на обогащение заняла свое доминирующее положение в смысловой сфере, поскольку на первых этапах развития капитализма она для низших и средних слоев населения, т. е. для большинства людей, была непосредственно связана с удовлетворением основных физиологических потребностей человека. В результате высоких достижений человечества в экономическом развитии, доля беднейших слоев, для которых

удовлетворение физиологических потребностей остается проблемой, сильно сократилась. Порогом нищеты Всемирный Банк считает проживание на 1,9 доллара в день. В 2015 г. число людей, живущих в нищете, оценивается в 702 млн. человек, т. е. 9,6% от всего населения земли (в основном это жители беднейших стран). Имеющиеся технологии позволяют накормить, обустроить, одеть, уберечь от холода все человечество, включая нынешних нищих. Это снижает в общественном сознании представление о настоятельности и первоочередности установки на рост материального благосостояния. Основными защитниками капиталистической идеологии остаются богатые слои населения с общей ценностной мотивацией укрепления личной или групповой, клановой власти и общественного статуса.

Но главным фактором ослабления капиталистической установки, скорее всего, является усиление роли и влияния стран «азиатского способа производства», где экономические интересы и рыночная конкуренция никогда не были доминирующими факторами исторического процесса [9]. С возникновением многополярного мира быстро повышается роль государства.

Чрезмерное доминирование установки на обогащение привело к определенному упрощению, можно сказать, и к «уплощению» системы ценностей и смыслов. Остальные ценности и смыслы оказались второстепенными или подчиненными этой главной установке. Главной идеологической основой капитализма служит либерализм. Либерализм возник как идеология борьбы за свободу, в первую очередь, за свободу хозяйственной деятельности, против ограничений, устанавливаемых **государством**. В модели либерального фундаментализма высшей, базовой ценностью служат права и свободы человек, причем имеется в виду, как правило, именно отдельный человек, индивид. Традиционные организации, сообщества, институты, в частности, государство, не имеют самостоятельной ценности. Они важны и ценны только в той мере, в какой они обслуживают интересы индивида и финансово-экономических организаций.

Права и свободы индивида объявляются общечеловеческой ценностью. Естественно, их должны обеспечивать общечеловеческие (т. е. глобалистские) институты. На вершине иерархии ценностей, определяющей и структуру институциональной системы, и «рамки» ее развития, становится установка на рост капитала. Создается двух-уровневая картина общества и системы смыслов: максимально раздробленная, атомизированная масса носителей смысла внизу и единый, глобальный Центр наверху. Существующие «промежуточные» ценностные и смысловые узлы – это национальные культуры и традиции, религиозные и этические учения. Их институциональные корреляты – государства, церкви, институт семьи. Они, как правило, оказываются препятствиями для построения идеального общества с точки зрения либеральной теории. В настоящее время мы видим «массированную атаку» на эти «промежуточные» центры и узлы.⁶ Но подъем роли и активности незападных цивилизационных полюсов свидетельствует о повышении самостоятельного значения этих «промежуточных» центров.

В целом гипотеза, что идеологическая основа капиталистической системы - установка на обогащение - постепенно теряет свое безраздельно доминирующее положение и становится одной из возможных установок, определяющих цели и поведение личностей и группировок, представляется вполне жизнеспособной и плодотворной.

Результатом ослабления универсальных (мировых) идеологий стала активизация «докапиталистических» смысловых скреп общества и опор государственности – религиозных и национальных. Однако по сравнению с идеологическими духовно-интеллектуальными комплексами

---

⁶ Подобная двухуровневая картина системы смыслов и институтов характерна также для радикального ислама. Эта картина изложена, в частности, в статьях и книгах самого известного и талантливой в России представителя радикального ислама – Гейдара Джемаля (например, [24]).

показывающими конкретные пути улучшения жизни, в них не хватает образа Будущего, мобилизующего энергию сообщества. Современный духовный кризис создает впечатление, что мир потерял основные «направляющие рельсы» и погружается в «духовно-идеологический хаос». Признаками духовно-идеологического дефицита служат рост религиозных и оккультных сект, активизация сепаратистских движений за выделение малых наций из больших государств, расколы и дробление в политических партиях и движениях. Нынешнюю ситуацию в духовно-идеологической сфере можно охарактеризовать как слом тех правил и связей, которые определяли траекторию движения мира в XX веке. Как точку бифуркации, используя термин синергетики, - как период неопределенности, непредсказуемости того нового направления, по которому пойдет мир после его завершения.

Роль крупных организаций. В работе [7] показано, что крупные корпорации и банки находятся в более благоприятных условиях, чем мелкие и средние. Авторы считают, что это различие институциональных условий неоправданно ограничивает возможности развития малых и средних организаций и в целом тормозит экономический рост. Задачей совершенствования институциональной структуры является выравнивание этих различий.

По моему мнению, вопрос оценки роли в экономике и общей ценности для общества крупных и крупнейших организаций – это один из важных вопросов всей институциональной теории, и он заслуживает более всестороннего исследования. Крупная организация, устойчивая и длительное время выполняющая общественную или экономическую функцию, представляет собой большую социальную ценность. Начать можно с того, что важнейшим препятствием для инвестиционной активности является **неопределенность** будущего, связанная с непредсказуемыми колебаниями, волатильностью определяющих параметров экономической и политической среды. Проблема обеспечения высокой доли накоплений, в частности,

крупных и долгосрочных инвестиций всегда является одной из приоритетных задач экономической политики. В последние годы в России эта проблема стоит особенно остро. У крупной компании гораздо больше возможностей и предсказывать грядущие изменения и, что важнее, противостоять разрушительным колебаниям конъюнктуры, адаптироваться к волатильности.

Организация как сообщество людей, объединенных сознанием значимости выполняемой функции (тем более, если она «заряжена» единой целевой или идеологической установкой) оказывается на порядок сильнее, чем гораздо большая по численности неорганизованная масса. Обычно, если такая организация и создается искусственно, то требуется время для ее приспособления к выполнению своей функции, приспособления различных ее частей к сотрудничеству друг с другом. Организация растет (подобно живому организму) пока этот рост ведет к сокращению общей суммы транзакционных издержек.

Крупная устойчивая организация образуется в результате длительного процесса развития и обучения, подобно живому организму. Недаром люди, как правило, относятся к живому существу как к самостоятельной ценности. Мы знаем, что для возникновения «цепочек» ДНК потребовались миллионы и миллиарды лет «проб и ошибок». Крупная, длительно действующая организация, как правило, не может быть легко заменена другой аналогичной организацией. Это не стандартное, серийное изделие. Оно «вырастает» как результат труда и творчества руководящего ядра и всех членов организации. Смысловые комплексы в духовно-идеологическом пространстве, как и институты, имеют, как правило, иерархическую структуру. Оценка направления и результатов деятельности организации определяется теми целями и смыслами, той идеологией, которую задают институт и смысловой центр более высокого уровня.

В отношении привилегированных условий для крупных корпораций, которые создает государство, надо учитывать, что в настоящее время перед российским государством стоит нелегкая социально-политическая задача обеспечить эффективное партнерство государства и крупных частных и государственных корпораций.

Перед институциональной экономикой стоит вопрос: оценивать ли благоприятные условия работы крупных предприятий как неоправданные привилегии или как важное достижение руководства этих организаций, необходимое для их эффективной работы.

Роль институтов и организаций резко повышается, если они «заряжены» определенной смысловой, ценностной установкой. Важнейшие институты и организации сами становятся центрами, порождающими смысловые установки и даже часто наделяется сакральным Смыслом. Смысловыми, ценностными узлами становятся церковь, государство, нередко также армии, крупные промышленные корпорации, научные институты. В 1970 – 80-е годы среди экономистов был большой интерес к японскому экономическому чуду, к работам японских экономистов и, в первую очередь, к феномену самоидентификации ядра работников крупной японской корпорации (кэйрецу) с ее целями и смыслами.

Главным фактором повышения роли капитализма в мире, наверно, надо считать процесс концентрации капитала и увеличения размеров капиталистических организаций – финансовых и промышленных компаний и банков. С начала эпохи капитализма параллельно ему ускоренно развивался процесс усложнения и удорожания техники. Трудно определить, какой из этих двух процессов является первичным, базисным, а какой – вторичным, производным. Для дорогостоящей техники необходим механизм аккумуляции больших денег, для ее эксплуатации – коллектив высококвалифицированных специалистов. Такие возможности появляются только у крупной корпорации. Только крупная организация имеет

достаточный уровень доверия кредиторов для финансирования проектов с длительным сроком разработки и еще более длительным – окупаемости затрат. Процессы накопления капитала и увеличения размеров корпораций создавали эти возможности и этим стимулировали развитие техники и новых технологий. Эти процессы в начале XX века привели также к глубоким переменам в социальной жизни и структуре власти и влияния в обществе, которые лучше всего выявил и проанализировал Джон Гэлбрейт – один из самых глубоких мировых экономистов.

В настоящее время крупнейшие корпорации (несколько сотен) по своим экономическим возможностям и политическому влиянию превосходят большинство малых и средних по размеру государств. Для иллюстрации экономического веса этих гигантов приведем следующие данные по 500 крупнейшим корпорациям США за 2015 год. Общее количество занятых на них – 28 млн человек (около 20% от общего числа работающих) и производят они 67% ВВП [25, с. 166 -167]. Несколько менее выразительная картина для мира в целом. По оценке Fortune 500 за 2016, 500 крупнейших компаний мира дали в 2015 г. 37,7% мирового ВВП (большинство из этих 500 компаний – американские).

Уже в 30-е годы было отмечено, что произошла «революция управляющих». Гэлбрейт в своей книге [8] (1967 г.) с необходимой глубиной показал, что пришедший к власти новый социальный слой является носителем новых целей и смыслов жизни. Работники корпорации отождествляют, идентифицируют себя с целями и ролью своей корпорации. Для них важно в первую очередь не личное обогащение, а создание условий для сохранения и устойчивого возвышения корпорации для осуществления долгосрочных проектов. Меняется и содержание отношений собственности. Главным становится не получение дохода от собственности, а право на управление ресурсами и целями организации. Формальные собственники корпорации, акционеры превращаются в раздробленную массу агентов, выполняющих функцию аккумуляции финансовых средств, а их право

собственности ограничивается правом получения части доходов корпорации. Политику и важнейшие решения определяет «ядро» организации.

Но главное изменение связано с тем, что для сложного производства необходимо обеспечить надежность работы контрагентов – сети поставщиков (их иногда тысячи) и потребителей. В ответ на антимонопольные меры правительства, возникает система контроля крупной корпорации над рынком. В результате крупные корпорации превращаются в планирующих субъектов, а вся система, состоящая из относительно небольшого их числа связанных друг с другом и с правительством долгосрочными контрактами, – в планирующую систему. Гэлбрейт прекрасно понимает и оценивает историческое значение этого направления развития как важный шаг *конвергенции рынка и плана*, а в политической сфере - *капитализма и социализма*.

Благодаря системе финансового участия, все банки и корпорации оказываются связанными единой сетью взаимной зависимости и контроля. В этой сети идет процесс централизации экономической и политической власти. Дает ли богатство еще и политическую власть? - Это убедительно доказали еще Маркс и Энгельс. Для современной ситуации это подтвердил нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц [8]. Крупнейшие корпорации используют многообразные формы и методы для формирования, «выращивания» своих сетей контроля и влияния в конкурентной борьбе или при установлении партнерских отношений с другими сетями:

- заключение договоров (официальных, а чаще неофициальных, основанных на неформальных личных отношениях между лидерами), определяющих «правила игры»,
- создание частных военизированных групп и компаний (ЧВК) и разведывательных сетей (это приватизация функций государства),

- систематическое идеологическое воздействие (СМИ, различные формы пиара и дискредитации).⁷

С усилением общественной роли буржуазии и осознанием ею своей значимости, начинается **борьба системы банков и корпораций с государством** за власть и авторитет, как в масштабах отдельной страны, так и в мире в целом. В чем отличие государства от других институтов-организаций? Главное отличие в том, что *государство (по идее, по смыслу) должно быть представителем общества как целого*, учитывать и защищать интересы и цели всех его классов и слоев. Оно призвано бороться за единство общества, обеспечивать не только экономическое благосостояние, но и защищать доминирующие национальные и религиозные ценности его членов. В частности, государство должно противостоять экономической «Верхушке»⁸ в качестве представителя низших слоев общества. Роль государства как главного института, объединяющего общество, так важна, что само государство в истории часто становилось сакральной сущностью (подобно церкви) и духовной скрепой общества, наряду с религиозными и идеологическими символами.

Борьба системы банков и корпораций с государством в капиталистической системе окончилась их победой - радикальным ослаблением государства и подчинением его «Верхушке». К. Маркс подробно обосновал это для ситуации XIX века. Для современной ситуации это недавно подтвердил Дж. Стиглиц [26]. Фактически высший слой государственной бюрократии вошел в состав Верхушки, и государство стало чем-то вроде одного из ее органов, «департаментом по политическим вопросам». Тезис о победе промышленно-финансовых организаций над

⁷ В последние годы появилось несколько отечественных исследований с анализом многообразных форм власти и зависимости, которым раньше уделялось явно недостаточно внимания, - неясные, неформальные, даже гибридные (см., напр., [27, разд. 2], [28], [29]).

⁸ Узкий слой представителей крупнейших банков, корпораций и ассоциированной с ними части государственной бюрократии. Термин часто используется после работы Дж. Стиглица [26].

государством можно интерпретировать (гипотетически) как доминирование экономических целей и интересов (по крайней мере, долгосрочных) над политическими. В последние десятилетия в связи с возникновением многополярного мира усиливается роль государств. Сейчас, видимо, более корректно говорить о тесном переплетении экономических и политических факторов в деятельности государства и корпораций. Это наглядно проявляется, например, в борьбе за новые рынки и за сохранение за отечественными компаниями тех рынков, где они традиционно присутствуют. Наиболее яркий пример – санкции, которые США и их союзники накладывают не только на Россию, Иран и Венесуэлу. В начале 2000-х в рамках ООН был приведен список стран, когда-либо находившихся под экономическими санкциями США и Великобритании. Общее население таких стран составило 52% от населения всей планеты. Торговые санкции являются очевидным нарушением принципа свободной торговли. Директор департамента торговых переговоров Минэкономразвития Максим Медведков считает, что односторонние (т. е. не получившие одобрения Совета безопасности ООН) санкции противоречат нормам ВТО (добиваться отмены санкций через ВТО – это не эффективный путь, такие споры затягиваются на многие годы).

В борьбе за рынки переплетение экономических и политических факторов принимает самые разнообразные формы. Иногда действия сторон мотивируются экономическими факторами, а политико-идеологические действия (вплоть до попыток организации «цветных революций» и гражданских войн) используются как инструменты. Иногда наоборот. Сильные державы (особенно США) постоянно используют свое влияние и давление (даже в отношении своих союзников) для удаления из властных структур (или продвижения во власть) своих противников (или сторонников). Так ряд политологов высказали подозрение, что арест экс-президента Киргизии Алмазбека Атамбаева и лишение его парламентской неприкосновенности связаны с его противодействием разработке

совместных экономических проектов Киргизии и Китая («Пятая газета» №38-39, 17 сентября 2019).

Отношения государства с крупнейшими корпорациями могут складываться как частно-государственное партнерство. Кто в нем играет главную роль, зависит от идеологии, доминирующей в обществе. Дж. Гэлбрейт показывал, что государственные компании по системе мотиваций и практическим установкам не отличаются от частных. Это соответствует высказанному выше положению, что современные общества с точки зрения институционального устройства мало различаются. Но различия могут быть очень значимы, если их властвующие элиты «заряжены» разной идеологией. Это определяет и доминирование государства или корпораций, представленных в Верхушке.

О роли государства в России и других цивилизациях. Цивилизации сильно различаются по социальной роли институтов. В России и странах «азиатского способа производства» капиталистические институты не получили такого развития. Историки свидетельствуют (см., например, [9]), что экономические интересы, связи и противостояния никогда здесь не были определяющими факторами. Они оставались второстепенными по сравнению с социальными и личностными связями, а также с ролью государства и поддерживающих его идеологических (религиозно-философских, культурно-этических, социально-политических) учений и установок.⁹ В этих странах в большей мере, чем в странах Запада, на активность экономических субъектов оказывают воздействие не конкретные возможности получения личной или групповой выгоды, а общая атмосфера духовного подъема, а также активность государства и идущие от него установки.

---

⁹ Сейчас во всех развитых странах интенсивно ведутся исследования по измерению «культурных расстояний» (cultural distance) между странами. Обширные исследования проводятся организацией World Values Survey (Всемирное обследование ценностей). Согласно недавним расчетам, проведенным в Москве, по большой группе социально-экономических и культурных параметров, в настоящее время «расстояние» России от Китая гораздо меньше, чем от стран Западной Европы и США.

Одно из главных отличий западной цивилизации от российской и китайской заключается в различии структуры ценностно-смыслового пространства. В основе господствующей на Западе капиталистической идеологии лежат либеральные ценности- права и свободы отдельного человека. Смысловые комплексы, связанные с коллективом, с обществом (даже с институтом семьи) имеют значение только в той мере, в какой они обслуживают интересы индивида. В российской и китайской цивилизациях ценности и смыслы, связанные с обществом, коллективом, с государством имеют самостоятельное значение, часто более высокое, чем интересы индивида (более подробно см. в [9]).

Показателем превосходства ценностей общества и общественной нравственности перед ценностями частными, индивидуальными (А. Девятков: «общее выше частного») может служить внедряемая в настоящее время концепция *рейтингования граждан*. Люди, положительно проявляющие себя на производстве и в деловых отношениях, в исполнении коммерческих и социальных обязательств, соблюдении этических норм, будут получать высокие оценки, пользоваться поддержкой государства, продвигаться по карьерной лестнице. Недобросовестные, безнравственные лица, совершающие антиобщественные поступки, будут получать отрицательные оценки, лишаться возможности продвижения и т. д.

Западный человек привык к тому, что попытки нарушить тайну, закрытость его личной жизни есть посягательство на его естественные права и свободы. И государство он не рассматривает как выразителя своих интересов, а как силу «отчужденную» от своих интересов и смыслов. Поэтому рейтингование граждан воспринимается как проявление чего-то, похожего на общество из антиутопии Орвелла «1984-й» («Старший брат» знает о тебе все!). А между тем для предотвращения терактов действительно государство должно знать многое об установках и поведении каждого из граждан. Цифровизация и Большие Данные предоставляют такую возможность. То же можно сказать о коммерческой тайне, которая может

помочь скрывать многие мошеннические и антиобщественные операции. Благодаря цифровизации государство может получать полную информацию о своем главном враге – коррупции.

Россияне вовсе не столь щепетильны в отношении прозрачности своих жизненных обстоятельств и своих действий для государства, как западные люди. Но и не согласятся с той полной открытостью, которую считают нормой в Китае.

Гораздо более серьезная проблема связана с тем, что реальная ситуация в киберпространстве теперь позволяет получать персональные сведения о каждом человеке не только государству в целях безопасности, и даже не только вероятному противнику, но и любому преступному сообществу. Специалисты по кибер-безопасности предупреждают: «анонимность стала анахронизмом» [17, с. 95] . Человеческое сообщество получает новое оружие, которое может оказаться в руках как государственников, так и сил, разрушающих государство. Скорее всего, все же государство сумеет установить за ним эффективный контроль.

Упрощенно различие роли доминирующих установок в разных цивилизациях можно описать краткой формулой: *на Западе богатство дает власть, в России и Китае власть дает богатство*. Значение государства особенно выделяется при взгляде на историю этих стран. Периоды процветания и развития приходятся на время крепкого и сильного государства. Периоды ослабления государства отмечены смутой, часто интервенцией и оккупацией той или иной длительности. В России класс капиталистов всегда был слаб. Одной из главных целей реформы Столыпина была создать сельскую буржуазию. При нынешней ельцинской реформе класс капиталистов также специально создавался государственной властью. И до сих пор в России доля активных частных предпринимателей оказывается явно недостаточной для модернизационного рывка. Как уже

отмечалось, возникновение новых частных предприятий¹⁰, как и общая доля малого бизнеса в российской экономике, остаются в несколько раз меньшими, по сравнению с развитыми странами Запада. Вероятно, в процессе модернизации и восстановления устойчивого экономического роста в России главную роль будет играть инициатива и энергия государства в союзе с крупными корпорациями.

Исторически государство всегда играло особенно большую роль в странах Восточной Азии. Авторы сборника «Ренессанс конфуцианства в современном Китае» [10] (см. также [11]) пишут, что в Китае государство «было больше, чем общество». Оно не служит выразителем и исполнителем идей и установок общества (преобладающее представление в европейском модерне). Оно является воспитателем общества, оно может и должно развивать и исправлять человеческую природу в силу ее расположенности к добру. Общество превращается в пожизненную школу для его членов. Основоположник школы «политического конфуцианства», одного из наиболее влиятельных сейчас идеологических направлений, Цзян Цин выдвигает идею «диктатуры ради развития» (включая воспитание народа) и «правителя, чей авторитет и власть легитимированы и ограничены высшей инстанцией моральных принципов Неба».

Культивировавшееся конфуцианством уважение к власти было воспринято в Японии, воплотившись в комплекс бусидо, который стал основной моделью «развивающего государства» и распространился в других странах.

---

¹⁰ Межстрановые сопоставления интенсивности возникновения новых компаний (доля новых компаний, возникших за определенный период, от общего числа существующих) показывают большие различия этого параметра (иногда в разы) даже между странами Западной Европы и США. Имеются исследования, которые свидетельствуют о больших межстрановых различиях в отношении потенциальных предпринимателей к риску и «опасению провала» при создании частного предприятия. К сожалению, эти работы пока не охватывают положения в России.

К концу XX века, после разрушения СССР стала складываться система однополярного мира, в которой главную роль играли банковско-финансовые группы и финансово-промышленные корпорации. Современный опыт (особенно опыт последних десятилетий) свидетельствует, что государства, центробанки и банковские системы периферийных стран становятся зависимыми от мировых финансово-политических центров. Однако с начала XXI века, за счет быстрого роста экономической и политической роли Китая, Индии и других развивающихся стран, стал формироваться многополярный мир. Новые полюса остаются в значительной мере зависимыми от технологически и экономически лидирующих стран Запада. Но их элиты осознают необходимость для успешного развития обеспечить свой экономический и политический суверенитет, не нарушая нормальных деловых отношений с лидирующими странами Запада.

Известный экономист и политолог левых взглядов Самир Амин, обращаясь к руководству незападных стран, писал: «Страны периферии никогда не смогут... сравняться с центром, с развитыми странами,...пока не сумеют отгородиться от капиталистической системы... У вас должно быть собственное видение, собственная стратегия, собственные решения, собственные институты. И тогда уже вы со своей стороны должны принудить эти державы пойти навстречу вашим требованиям». Возможно, самым заметным изменением в смысловой и институциональной сферах незападных стран является повышение роли и независимости государства. Можно ожидать, что институт государства возвратит себе роль представителя и защитника интересов народа как целого.

Новая эпоха. В большинстве описаний современного исторического периода отмечается как его важнейшая черта ускорение всех социальных, политических, экономических перемен. повышение частоты серьезных

событий и сдвигов. Наиболее ярко это выявляется, например, в характеристиках роста производства и использования кибернетических устройств и технологий. Так объем сгенерированной информации в 2012 году составил 2,8 зеттабайт и увеличится к 2020 г. до 40 зеттабайт. Число пользователей интернета в мире к концу 2013года составило 2,7 млрд. человек (39% населения земли), в 2018 их было уже 4 млрд. (5,3%).

Многие из технологических и экономических процессов хорошо укладываются в концепцию смены технологических укладов (ТУ): настоящее время – начало 6-го технологического уклада. Однако ряд историков и экономистов считают, что те перемены, которые несет нынешний процесс внедрения науки и высоких технологий буквально во все сектора человеческой жизни и деятельности, надо характеризовать не только как смену ТУ, но как новую, Третью производственную революцию.

При предыдущих сменах технологических укладов (ТУ) шло замещение машинами физического труда, при нынешней смене машины заменяют работу интеллекта. Новая эпоха уже получила обозначения «информационное общество», «экономика знания». Наверное, главный фактор, отличающий новую эпоху, лучше всего характеризует создание и проникновение во все сферы экономики и общества *искусственного интеллекта (ИИ)*.

Важнейшая перемена, которую несет новая эпоха, - смена характера труда, производящего те ценности, которые становятся главными, незаменимыми для общества. Эти ценности – новые плодотворные идеи, технологические или социально-экономические инновации. А смена характера труда связывается с увеличением во всех его видах творческих элементов. Любой рутинный труд, связанный с повторением однотипных операций, последовательно устраняется, передается механизмам, информационным устройствам, все большее число работников переходят к труду творческому. Может быть, лучше всех этот процесс описал в реальных условиях США Ричард Флорида.

Давно изучена роль финансово-экономических и технологических факторов, которые рассматриваются как хорошо объясняющие причины и динамику подъемов и кризисов в рыночной экономике. Однако такие масштабные кризисы, как Великая депрессия конца 20-х - 30-х годов и современный кризис 2008-2009 (который многие экономисты и социологи считают не окончившимся и сегодня), явно требуют для их всестороннего понимания учета не только экономических и технологических факторов. Один из самых популярных американских социологов Ричард Флорида в своих книгах «Креативный класс» [1] и «Большая перезагрузка» [2] называет такие кризисы *перезагрузкой* (он относит к их числу также кризис 1873 года и последовавшую за ним рецессию). Он связывает с ними эпохальные перемены во всех аспектах жизни и деятельности людей: характера труда и общения, доминирующих мотиваций социально-экономического поведения, смену лидирующего (господствующего) класса (или социального слоя), географии расселения и экономической активности.

Ричард Флорида в своих книгах для каждого кризиса-перезагрузки выявляет те ключевые факторы, которые подготавливают выход страны из кризиса и обеспечивают последующий экономический и социальный подъем. Относительно нынешнего кризиса-рецессии таким фактором Флорида считает небывало быстрый рост во всех сферах жизни количества *креативных* личностей, т. е. людей, обладающих нестандартным мышлением, способных вносить в любую деятельность элементы инноваций и творческого преобразования. Этот феномен несомненно связан с хорошо изученными тенденциями перехода от индустриального к постиндустриальному типу производства, к экономике и обществу знания, к широкому использованию высокотехнологичных производств. Однако автор показывает взаимосвязь этих тенденций с максимально широко трактуемым понятием творческой деятельности – от возникновения новых научных дисциплин и новых типов расселения до новых течений в богемном искусстве.

Для того, чтобы оказывать серьезное влияние на жизнь значительных групп и слоев населения и на общую атмосферу трудовой и творческой деятельности, эти люди должны обладать не только интеллектуальными или художественными способностями, но быть энергичными, целеустремленными и т. д. Лучше всего воспользоваться термином, введенным Львом Гумилевым: в креативных группах должны быть пассионарные личности. Наверно так проще всего охарактеризовать ту часть креативных людей, которую Флорида обозначает как суперкреативное ядро.

Иное представление о факторах новой эпохи дает картина развития китайской экономики. Судя по описанию Кай-фу Ли [18], ее вступление в эпоху ИИ можно датировать началом XXI века или серединой 2000-х. К этому времени появились гигантские вычислительные мощности, способные хранить, моментально просматривать и анализировать огромные массивы данных (big data). Эти технические прорывы позволили создать алгоритмы «глубокого обучения нейронных сетей», которые совершенствовали свои способности решения самых разнообразных задач путем просмотра и анализа реальных образцов. Такие алгоритмы становились более эффективными, чем разработанные теоретиками. Именно огромные массивы данных о поведении потребителей, их выборе в реальных условиях служат главным ресурсом для совершенствования ИИ. Период теоретических исследований сменился эпохой внедрения.

Для этого периода необходимы не креативные люди, а предприниматели. В отличие от России в КНР этот социальный слой или класс оказался не менее активным, чем в США. И «социализм с китайской спецификой» не препятствовал его активности и даже агрессивности. Вот как описывает этот период Кай-фу Ли [18, с. 28]. «Успешные интернет-предприниматели Китая достигли своего нынешнего уровня за счет самой беспощадной конкурентной войны. Они живут в мире, где скорость имеет важнейшее значение, копирование является общепринятой практикой, и конкуренты не остановятся не перед чем, чтобы захватить новый рынок. Каждый день на поле битвы между

китайскими стартапами – это испытание огнем, гладиаторские бои в Колизее. Здесь идут схватки не на жизнь, а на смерть, и у противников не бывает угрызения совести. Единственный способ выжить в этой битве – постоянно улучшать свой продукт и строить бизнес на основе инновационной модели. Если ваше преимущество – это одна единственная идея, то ее непременно скопируют, ваших ключевых сотрудников переманят и вы останетесь за бортом».

Сначала ИИ работал с тем материалом, который накапливался в сетях интернета. Он научился распознаванию и синтезу речи, распознаванию изображений, машинному переводу. Алгоритмы ИИ стали лучше, чем люди, определять риски, связанные с кредитованием. На основе анализа историй болезней миллионов пациентов научились учитывать зависимости диагноза от малоизвестных симптомов и показателей – зависимости, о которых не подозревает большинство врачей.

Следующим этапом развития ИИ, важным не только для бизнеса, но и для задачи управления поведением человека (а также и массы людей – толпы!), стало выявление психологических стереотипов поведения и предпочтений, выявления факторов, которые реально повышают вероятности тех или иных решений и поступков. Эти алгоритмы, обученные на big data, используются в бизнесе для прогнозирования спроса и воздействия на потребителей для увеличения продаж. Естественно, они применяются и в политике (например, для воздействия на электоральное поведение), и для проведения операций в «гибридных войнах» (см. [17, глава 3]).

Чтобы представить масштаб влияния креативного фактора на трансформацию структуры общества, хотелось бы воспользоваться регулярно публикуемыми статистическими данными о численности занятых и финансовых показателях по крупным секторам производства товаров и услуг или по профессиональным группам. Но речь идет не только о возникновении новых видов труда и производства или изменении пропорций между старыми, но и о росте творческих элементов в традиционных видах деятельности. Это

делает трудным и проблематичным статистическое изучение феномена креативности. И тем ценнее те данные о масштабных изменениях классовой структуры США на протяжении всего XX столетия, которые приводит Р. Флорида в своей книге [1, Приложение, Таблица 2] (понятие класс у Флориды не соответствует привычному в России марксистскому определению, а должно было бы переводиться как социальный слой).

Для представления масштабов перемен Р. Флорида оценивает то количество занятых, которое необходимо для успешной деятельности креативного класса (например, вспомогательный персонал медицинских учреждений). Этот социальный слой в полтора-два раза превосходит по численности собственно креативный класс. В книге он обозначается как обслуживающий класс, хотя для русского перевода лучше подходил бы термин вспомогательный персонал. Если сопоставлять развитие креативного фактора с ростом суммарной численности занятых в крупных секторах, наиболее тесно связанных с этим фактором, то, видимо, надо взять следующие сектора: науку, образование, культуру, здравоохранение, государственное управление. Конечно, следует не упускать из виду, что в эту суммарную численность входят не только члены креативного класса, но и связанная с ними часть обслуживающего класса. В то же время значительная часть креативного класса не входит в эти сектора.

Приводим динамику классовой структуры из книги [1, Приложение].

Таблица 1. Доли классов в общей численности занятых в США (%).

Годы	1900	1920	1960	1970	1980	1991	1999
Креативный класс	10	11,7	17,9	19,8	18,7	25,4	30,1
Суперкреативное ядро	2,4	3	5,4	7,5	8,2	9,2	11,7
Обслуживающий класс	16,7	21,1	33,3	38,8	46,2	45,7	43,4
Рабочий класс	35,8	40,2	37,7	35,9	31,7	26	26,1

Сельское хозяйство	37,5	27	6,1	3,1	2,8	3	0,4
Численность занятых (млн.)	29	42,2	68	79,8	97,3	116,9	127,3

Фактор креативности несомненно играет серьезную роль, определяющую экономические подъемы и кризисы не только в США и других лидирующих капиталистических странах, но и в странах незападных цивилизаций. В экономике России, в силу истории и самой географии страны, гораздо большую роль играют крупные организации и государство (и как регулятор, и как хозяйственный субъект). Творческие люди обычно особенно чувствительны к ограничениям личной свободы. Не влияет ли указанное отличие России от Запада на рост «креативного класса»? – Судя по научно-техническим, экономическим, культурным достижениям СССР и России, существование такого влияния сомнительно, по крайней мере, проблематично. Р. Флорида считает одним из главных условий развития креативности возможность локализации группировок творческих людей и их общения в одном городе, в одном университете и т. д. для работы в едином научном направлении или общем большом проекте. В этом отношении преимущественное развитие крупных организаций (частных и государственных) может служить скорее фактором, способствующим развитию креативности. По существу этим известный футуролог Э. Тоффлер [4] объясняет успехи в начале XXI века «умных компаний», которые сумели создать привлекательные условия для научно-технического творчества.

Из описаний творческих личностей (в частности, и в книгах Р. Флориды) следует, что креативный класс больше всего ценит свободу творческого поиска, установления информационных контактов. И поэтому значение жестких иерархических организаций, в том числе государства, должно сокращаться. Этому в определенном смысле соответствует общепринятое у

социологов представление, что современные элиты (в том числе и творческая элита) организованы по принципу *гетерархии* (термин У. Маккалока). Основой гетерархии служат устойчивые сетевые структуры с прочными (горизонтальными) связями и взаимодействиями, обусловленными общим характером деятельности и ее ценностно-смысловой установкой. В рамках этих сетей образуются обособленные группы, объединенные более конкретными интересами или творческими целями. Они выстраиваются в менее устойчивые «пластичные» иерархии (с вертикальными взаимодействиями).

Приведенные описания факторов развития технологий ИИ и их использования в экономике приводят к выводу, что для этих процессов наиболее благоприятны условия свободной рыночной конкуренции, а большая роль крупных организаций и государства, характерная для России и Китая, скорее мешают этому развитию. Однако все не так однозначно.

Начать с того, что крупные организации ни в коей мере не мешают указанным процессам. Доминирующую роль в них играют именно крупнейшие компании – «Семь гигантов эпохи ИИ», четыре из которых находятся в США, а три – в Китае. Вот как характеризует различие основных тенденции развития ИИ в этих двух странах Кай-фу Ли. Китай отстает от Америки по числу самых выдающихся исследователей в этой области. Но для того, чтобы экономика совершила рывок благодаря технологиям ИИ, недостаточно сообщества исследователей – суперзвезд. Для этого необходима армия блестяще обученных инженеров, объединившихся с предпринимателями. И Китай готовит такую армию. За последние два десятилетия разрыв между сообществами специалистом по ИИ Китая и США резко сократился.

Елена Ларина и Владимир Овчинский, авторы наиболее содержательных работ по проблемам Третьей производственной революции, описывают в разных аспектах, как в США из ранее разрозненных

исследовательских и коммерческих кластеров, относящихся к различным сегментам высоких технологий, по существу из гетерархичной структуры, образовался единый сектор мировой элиты, плотно связанный с американским государством [17]. Главным инициатором, драйвером, источником финансирования hi-tech развития, начиная с 60-х годов, стали американский военно-промышленный комплекс и разведовательные сообщества стран Запада. Образцом для отношений органов государства и институтов высокотехнологичного развития служила советская система.

Противостояние между странами Запада и советского блока в период холодной войны породило процессы конвергенции, приближающие их элиты (с разных сторон!) к структуре, которая после разрушения Советского Союза может быть обозначена как государственно-частное партнерство. При этом в западных элитах усиливалось влияние государства, но главную роль продолжали играть частные (в основном финансовые) структуры. В российской элите усилилось влияние частных (в основном банковских) структур, но ведущая роль осталась за государством. К сожалению, задача конверсии, передачи технологий из военно-промышленного комплекса в гражданское производство, развитие производства продукции двойного назначения, остается актуальной и для нашего времени.

Примером того, какое влияние может оказывать государство на развитие технологий новой эпохи и главное – на модернизацию с их помощью экономики и общества, служит государство Китая. В мае 2017 г. Государственный совет КНР выпустил план по развитию и внедрению ИИ. В нем ставилась задача к 2030 г. сделать Китай глобальным центром инноваций в сфере теоретических исследований, технологических разработок и внедрения ИИ, а также более конкретные задачи на период до 2020 и 2025 годов. Для ИИ-стартапов выделяются средства на субсидии и государственные заказы. На призывы правительства откликаются китайские венчурные инвесторы: уже в 2017 г. в стартапы были вложены рекордные суммы, составившие 48% всего венчурного финансирования ИИ в мире.

Честолюбивые мэры прилагают усилия, чтобы превратить свои города в площадки для развития и внедрения ИИ. Они стали прокладывать маршруты для грузовиков без водителей, устанавливать системы для распознавания лиц на общественном транспорте и подключать транспортные сети к «городскому мозгу» для оптимизации пассажирских потоков. В больших городах копировали опыт города Чжугуаньцуня (его называют китайской Кремневой долиной), где мэр переселил жителей одной из улиц и создал комфортное пространство для венчурных компаний, стартапов и инкубаторов малых предприятий, которое стало называться Проспектом предпринимателей.

Таким образом, государство может и должно стать серьезным фактором, способствующим развитию и использованию ИИ. Однако более важным фактором, требующим усиления государства и его регулирующей роли, являются те социальные последствия, которые неизбежно последуют за стремительно надвигающейся новой эпохой. Главным из этих последствий обычно называют сокращение потребности в трудовых ресурсах, ликвидацию целых отраслей производства и социальной деятельности. Прежде появление новых технологий широкого применения (паровые машины, электричество) приводило к изменению характера труда, повышая его производительность. Взамен старым профессиям появлялись новые. Развитие ИИ создает угрозы масштабного вытеснения любых форм занятости: машины обходятся без человека. Возможно, эти опасности окажутся преувеличенными. У людей будут появляться новые потребности (например, новые способы поддержания здоровья, новые сферы обучения), соответственно потребуются много специалистов для обучения, как использовать новые инструменты и «цифровые» услуги. Однако небывалая скорость исторических перемен заставляет готовиться к нарастанию проблем, с которыми рынок не в состоянии справиться. Правда, анализ нынешней ситуации в России показывает, что в близком будущем среди проблем, связанных с информационно-цифровыми технологиями, более

острой будет нехватка специалистов по этим технологиям, чем порождаемая ими безработица [19, с. 59].

Одним из направлений в решении этих грядущих проблем служат попытки ввести *безусловный базовый доход* (ББД), обеспечивающий базовые потребности каждого члена общества вне зависимости от его трудового вклада. Главная цель реализации этого простейшего коммунистического принципа – предотвратить обнищание значительных слоев населения и связанные с этим социальные конфликты. Предлагающие этот проект либеральные политологи обосновывают его расширением возможностей для каждого человека свободно выбирать тот вид деятельности и образа жизни, который его действительно увлекает и в наибольшей степени соответствует его способностям. Однако результаты такого простейшего проекта представляются очень сомнительными даже без учета реалистичности его реализации. Если сопоставлять его с идеями идеологов коммунизма, то надо вспомнить, что условием наступления эры коммунизма должно стать превращение труда из тяжелого бремени в труд творческий и в важнейшую потребность человека. С этим согласятся многие, кто при потере работы страдает не только от того, что лишился дохода, но и от утраты общения, встроенности в жизнь коллектива и в результате утраты смыслового стержня жизни.

Более реалистичным ответом общества на вытеснение искусственным интеллектом человека и его труда из обширных секторов экономической и социальной деятельности будет вменение в обязанность государства более ответственно относиться к прогнозированию предстоящих сдвигов в структуре потребностей общества в труде работников разных профессий. Государство должно обеспечивать возможности переквалификации и, что не менее важно, - создавать материальные и идеологические условия, обеспечивающие уважительное отношение общества ко всем видам трудовой деятельности.

Проблемы совершенствования государства в современной России.

В современной России, в отсутствии объединяющей и активизирующей идеологии, совершенствование государства, сохранение и укрепление его суверенитета, доверия к нему народа, его способности выполнять функции целеполагания для всего общества, становится важнейшей и крайне актуальной задачей. Из этой общей проблемы можно выделить две следующие, более конкретные и «продвинутое»:

- 1) необходимо лучше понять и преодолеть тяжелое наследие «лихих 90-х»,
- 2) надо совершенствовать государственный аппарат, очищая его от недостатков, обычных для большинства государств, - от превращения его в господствующий социальный слой (или класс), преследующий собственные интересы и оторванный от интересов народа.

Формирование государства в постсоветской России. Сопоставляя либеральные реформы в Китае в 1980 – 90-е годы и в России в 1990-е, можно сделать несомненный вывод: важнейшей (если не главной) причиной катастрофических последствий российских реформ было разрушение институтов государства, отказ от его суверенитета в ряде областей, фактически уход его от руководства процессом реформирования.

Стоит вспомнить, какие «гибридные войны» между новыми и старыми институтами за финансовые и промышленные объекты, за ключевые посты в институтах власти развернулись сразу после, а точнее, непосредственно в процессе ухода государства от контроля и руководства деятельностью институтов (1989 – 1991 и затем 1991 – 1995 годы), в процессе расширения свободы. Результатом этих войн стали множество заказных убийств и фальшивых обвинений, о которых сейчас мало, что известно. Еще более поразительным стал результат экономический. За первую половину 90-х годов падение производства превысило потери в период Великой отечественной войны.

Вся имеющаяся информация свидетельствует, что была возможность избежать катастрофы. К 1991 году уже имелся опыт разных стран по

переходу к рынку. И главное – 13-летний опыт преобразования социалистического Китая. Если правительство осознавало глубину надвигающегося кризиса, необходимо было сохранить государство в качестве руководителя процесса трансформации экономической системы и добиваться постепенности перемен, чтобы дать время на осознание этого и другим участвующим силам. Но для правительства эти риски были несущественны по сравнению с главной задачей – ликвидацией коммунистической идеологии. К сожалению, подробная история этого периода пока не написана. Хорошим вкладом в такое исследование является статья Рустема Вахитова [13].

В 90-е годы возник новый для России институт – олигархат, влияние которого тогда (в период «Семибанкирщины») было не просто сопоставимо с властью государства. Р. Вахитов пишет: «В 1995-1996 гг. в России возникают настоящие финансовые империи... Они включали в себя следующие элементы:

- собственно банковскую систему;
- собственные промышленные предприятия – либо нефтяные, либо металлургические;
- собственные охранные структуры (по сути, частные армии);
- собственные СМИ (телеканалы, радиостанции, федеральные газеты).

Семи крупным банкирам принадлежали 50% финансовых ресурсов огромной России.». Банкиры и крупные бизнесмены занимают посты в важных государственных структурах, становятся публичными политиками. Всем известный пример – Борис Березовский. В 1996 году он получает пост заместителя главы Совета Безопасности России. Политики имеют свой бизнес или получают дивиденды от бизнеса. Произошло сращение власти и крупного бизнеса. После 1996 года, когда больной и большую часть времени недееспособный Ельцин отпускает бразды правления, «власть переходит к нескольким финансово-политическим кланам, главы которых решали все ключевые вопросы внешней и внутренней политики, а потом

легитимизировали эти решения, через влияние на родственников Ельцина». Автор называет их Олигархбюро.

К концу 90-х в достаточно широком социальном слое, который называют олигархами, оформляются и усиливаются три относительно самостоятельных части: кроме московских банкиров, связанных с Семьей, региональные олигархи (в Татарстане, в Башкортостане, в Москве) и олигархи-силовики. Силовые ведомства – это органы государства МВД, армия и спецслужбы. В их руководстве много типичных олигархов, тесно связанных не только с бизнесом, но и с организованной преступностью. Однако, как показывают дальнейшие события, в этой социальной страте все же больше, чем в других «сословиях», убежденных государственников – тех, для кого институт государство имеет самостоятельную ценность, часто более высокую, чем личное обогащение и карьера. Все это хорошо показано в работе [13].

«1998 – 1999гг. – это эпоха олигархических войн: регионалов против московских банкиров и силовиков против них же».

После прихода к власти Путина, постепенно выявилось, что в олигархических войнах он поддерживает преимущественно силовиков как главную социальную страту – опору государства. Россия возвращалась к приоритету государства, предопределенному ее «цивилизационным кодом». Это не значит, что он противник установки на личное обогащение, которая лежит в основе формирования олигархата и всей современной российской элиты. Важнейшую тенденцию внутривластного развития (и стратегическую задачу Президента, которая согласуется с этой тенденцией) можно сформулировать как достижение и поддержание *государственно-частного партнерства* (или партнерства государства с крупнейшими экономическими и политическими институтами) при преобладающей роли государства.

Р. Вахитов описывает события периода путинского правления, которые по существу не противоречат этой гипотезе. Олигархические войны

заканчиваются победой силовиков. Силовики – крупные деятели государства и публичные политики (и члены их семей) становятся олигархами, занимая ключевые посты в руководстве крупнейших корпораций. Так, Игорь Сечин, председатель совета директоров «Роснефти», был заместителем руководителя администрации Президента и заместителем председателя Правительства. Сергей Чемезов, глава «Ростеха» - Членом бюро высшего совета «Единой России». Государственники – топ-менеджеры компаний меняют эти должности на кабинеты государственных служб, а «служилые люди» становятся олигархами. При этом они должны оставаться в первую очередь государственниками, как это происходило на протяжении веков российской истории. Это противоречит постсоветским представлениям о справедливости русского народа. Но похоже, с этим придется мириться на протяжении длительного времени.

Можно ли общество, опирающееся на такое партнерство, называть олигархатом, - это вопрос второстепенный. Важно, сможет ли оно решить наиболее острые проблемы, такие как сокращение неравенства по имуществу и доходам, прекращение оттока капиталов и талантливой молодежи за рубеж? – Это покажет время. Во всяком случае, задача повысить темпы экономического роста до устойчивого средне-мирового уровня не представляется невозможной.

В постсоветской России возникла также новая ситуация с институтами организованной преступности (ОП). Оргпреступность существовала и в советское время. Но с ослаблением государства ситуация в ряде регионов стала подобна известному по художественной литературе и по кинофильмам положению на о. Сицилия, где мафия долгое время была сильнее существующей рядом с ней государственной власти. Институты ОП стали «полноправными» участниками олигархических войн. Например, в статье [14] подробно описаны события 1993 – 2019 гг., раскрываемые сейчас Следственным Комитетом РФ по делу клана Арашуковых (Карачаево-Черкесия, Ставропольский край, Кавказские Минеральные Воды). Основной

метод экспансии и укрепления ОП, как и у легитимных институтов, продвижение «своих людей» на ключевые посты государственных ведомств и других влиятельных организаций и удаление тех, кто мешает деятельности ОП. В данном случае это прокуратура, вплоть до Генпрокуратуры РФ, Совет Федерации, региональные структуры «Газпрома». В течение десятков лет прокуратура РФ имела информацию о деятельности преступного формирования (накоплен большой массив оперативных материалов). Но только появилась возможность дать ход делу. Фактически получение такой чрезвычайной власти ОП формированием порождает раскол в региональной элите. Значительная часть депутатов, работников правоохранительных органов, знающих о деятельности ОПФ, оказывается невольным участником преступных действий.

Давно известно, что главным элементом силы и «непотопляемости» региональных мафиозных формирований являются не обычные характерные черты преступных групп, а смысловые установки, обеспечивающие надежность внутренних «скреп» мафиозной организации и ее особый статус в системе ценностей и смысловых отношений с жителями региона. Но только в последнее время осознана необходимость гораздо серьезнее учитывать этот смысловой элемент в уголовном законодательстве. Спросите: имеет ли юридический смысл (или только нравственный?) статус «вора в законе»? – Большинство ответят отрицательно: это только лагерный фольклор, и он имеет смысл только в уголовной среде. На самом деле высокое положение в преступной иерархии играет вполне весомую роль в Федеральном законодательстве (Уголовный кодекс РФ. Статья 210. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)). Лицо, занимающее высокое положение в преступной иерархии, получает более тяжелое наказание - может получить пожизненный срок лишения свободы. Кроме установления властной иерархии (иерархии криминальных авторитетов), в ПО обычно существует система норм и правил жизни,

включая такой институт «воровской демократии», как регулярные собрания («сходки») для разрешения споров и решения важнейших проблем.

Судя по широкому распространению оргпреступности и очень низкому проценту раскрываемости, серьезная борьба государства с этим невидимым врагом только начинается. В статье [30] описан Закон Грузии « Об организованной преступности и рэжете», обновленный в апреле 2018 года. В его основе лежит более глубокое и всестороннее представление об этом институте. В грузинском законе указано гораздо больше, чем в российском, признаков руководства ПО, участия в ПО, форм ее поддержки. Введены новые понятия: «воровской мир» - объединение лиц, действующих в соответствии с установленными/признанными ими правилами с преступными целями; «вор в законе» - лицо, которое в любой форме организует или управляет воровским миром; «воровское собрание» (сходка), учитываются связи в любой форме (в том числе путем электронной коммуникации). Членом воровского мира признается лицо, которое его признает и участвует в его деятельности, или своими действиями выражает готовность участвовать в деятельности воровского мира.

Об институте бюрократии. Институт рынка выполняет важнейшую функцию в обществе - активизацию экономической деятельности и ее направление на удовлетворение базовых потребностей его членов. Но его фундаментальным пороком, с которым он неспособен справиться, который порождает войны и революции, - это углубление экономического и связанного с ним политического неравенства, раскола общества на узкий слой, обладающих богатством и властью, и остальную часть его членов. С течением времени этот разрыв становится все более опасным для человечества. Основной институт, который призван обеспечивать необходимый уровень духовно-идеологического и материального единства общества, - это государство.

Исторический опыт показывает, что крупные организации, в том числе и государство, могут страдать той же болезнью неравенства в результате отрыва управляющей подсистемы от остального множества ее членов. В отношении государства эта болезнь давно известна под именем *бюрократизма*. В Советском Союзе и других социалистических странах институт государства долгое время был главным и эффективным инструментом ограничения неравенства и обеспечения единства общества. В левом движении государство, руководствующееся социалистической идеологией, рассматривалось как основной инструмент совершенствования социально-экономического устройства. Однако в связи с массовыми репрессиями 30-х годов, а затем с углубляющимся отрывом властной верхушки от жизни общества, отношение к государству в левом движении претерпело серьезные колебания и стало причиной глубоких расколов. Вопросы о возможности и необходимости применения «экстремального» государственного насилия в СССР в 30-е годы, в условиях угрозы или даже неизбежности близкой войны, о возможности предотвращения войны до сих пор вызывают острейшие дебаты.

Часть левого движения (в основном социал-демократической и троцкистской ориентации) возвела государственную бюрократию в ранг такого же грозного врага, как традиционный враг – буржуазия. Вот что пишет, например, Эрнест Мандел в своей в целом серьезной и содержательной книге «Власть и деньги»: «Бюрократия – это многоликий монстр, и именно такой ее и следует воспринимать». Если речь идет о «рабочем государстве», то «трудящиеся становятся угнетаемыми и эксплуатируемыми своими же собственными функционерами» [31, с. 9]. Предполагается, что социалистическое общество должно отвечать положению марксизма об отмирании государства. Т. е. речь может идти только о таком обществе, где «общие дела общества» (Э. Мандел комментирует, что это все функции, которые в классовом обществе являются компетенцией государства) выполняются всеми мужчинами и женщинами, а

не специальным аппаратом. Пока эффективность производства низка и количество потребительских благ ограничено, управляющая «прослойка» неизбежно будет обеспечивать себе привилегии. Ссылаясь на Энгельса, автор утверждает, что предпосылкой, необходимым условием, чтобы бюрократия не превращалась в паразитический класс, подобно классу капиталистов, является достижение высокого уровня эффективности производства и изобилия потребительских благ. Из этой предпосылки следует: если не отодвигать наступление эры социализма за горизонт любого предвидения, то социализм следует представлять только в виде общества самоуправления, без специального управляющего аппарата.

На мой взгляд, это противоречит всем современным представлениям о роли управления в сложных системах. Кроме того, богатый опыт развития успешных хозяйственных, политических, научных организаций свидетельствует о необходимости устойчивой управляющей группы. Эта группа должна не только обладать специальными знаниями, но и длительное время набирать опыт работы в своей сфере деятельности, в умении устанавливать плодотворные контакты как внутри, так и вне организации.¹¹ Обойтись без государства и бюрократии, видимо, не удастся никогда. Остается два пути решения проблемы: 1) сокращать численность бюрократии и за счет этого - негативных последствий ее влияния на жизнедеятельность общества и 2) делать бюрократию более эффективной и гибкой, более соответствующей требованиям общества.

---

¹¹ Надо добавить, что творческие люди и «массы», живущие традиционными интересами и смыслами, часто вовсе не стремятся ограничить власть и влияние управляющих структур (и бюрократии, и хозяев-предпринимателей) и не хотят тратить время и средства даже на контроль за их деятельностью. Часто они согласны (или даже рады) делегировать свои «естественные права» (вместе с обязанностями!) тем, кто готов выполнять соответствующие функции.

Сокращение численного состава бюрократии, конечно, будет происходить за счет распространения информационных технологий и цифровизации. Согласно Э. Манделу, основной метод реализации первого пути – замена бюрократического управления самоуправлением. В книге [31] подробно рассматриваются возможности и препятствия на этом пути. Главное препятствие - это некомпетентность масс. Для управления требуются знания и опыт, которые, как правило, имеются только у специалистов, т. е. у бюрократов. Там же описан ряд примеров тех секторов и видов деятельности (в экономике, культуре и пр.), где широко применяется самоуправление, без бюрократии, порождающей опасность перерождения ее в новый класс угнетателей. Важной причиной, порождающей эту опасность, служит излишне жесткая вертикальная зависимость тех органов государственного аппарата, которые управляют отдельными секторами экономики и общества, отдельными регионами, - от центра, и за счет этого оторванность от проблем своих секторов (или регионов).

Можно ожидать, что повысить эффективность и гибкость государственного управления без увеличения численности чиновников удастся достичь за счет использования богатого опыта создания крупными компаниями систем вертикальных взаимовыгодных отношений с другими компаниями по типу *франчайзинга*. Эта форма ведения бизнеса характеризуется тем, что «вышестоящая» компания (франчайзер) определяет «нижестоящим» (франчайзи) широкие границы для их самостоятельной деятельности и развития, обеспечивает технологические, консультационные, кадровые условия и согласованность их работы. Обычно франчайзер обязуется содействовать в становлении нового бизнеса. Франчайзи осуществляют платежи в соответствии с соглашением. Но далеко не всегда получение платежей является главной целью франчайзера. Более важной целью часто бывает реализация технологических инноваций или продвижение определенного бизнеса на новых рынках.

К настоящему времени франчайзинг получил широкое распространение. Доля франчайзинговых компаний в общем объеме торговли на американских рынках превышает 40%. Франчайзинг получил развитие в 70 отраслях хозяйства, в более чем 80 странах мира. Для совершенствования правовых отношений этой формы ведения бизнеса созданы Международная ассоциация и Европейская ассоциация франчайзинга. Накопленный богатый опыт может быть использован для создания планово-рыночной системы управления.

Можно представить систему народнохозяйственного управления экономикой следующим образом. Государственный Центр управления берет на себя роль «Большого франчайзера», который предоставляет частным и государственным компаниям, а также, возможно, и государственным органам, отвечающим за развитие конкретных секторов (франчайзи) – определенные меры поддержки, гарантии от рисков и т. п. Эти привилегии предоставляются в обмен на обязательства придерживаться принципов, приоритетов, установленных Центром, обеспечивать выполнение контрольных показателей плана (как правило, взаимно-согласованных) и т. д. В остальном франчайзи пользуются самостоятельностью и платят налоги на общих основаниях. Описанная структура может иметь несколько «этажей».

Использование гибкой структуры государственной иерархии по типу франчайзинга даст возможность нащупать для каждого сектора экономики оптимальную меру самостоятельности хозяйственных единиц и необходимой жесткости централизованных заданий. Участие в такой структуре должно быть привлекательным для хозяйственных организаций не только за счет имиджа, «бренда «государственная», но прежде всего, за счет снижения возможных рисков и специальных гарантий, которые предоставляет Франчайзер.

О повышении эффективности и гибкости бюрократии можно сказать следующее. Знаменитый футуролог Элвин Тоффлер в работе 1990 года [4] описывает трудности и кризисы бюрократических аппаратов гигантских

компаний, сталкивающихся с небывалыми потоками инноваций (это период бурного формирования нового технологического уклада). «Перемены возникают в темпе, более быстром, чем тот, с которым может справиться бюрократия» [13, с. 206]. В ответ на этот вызов в последние десятилетия в США возник новый тип крупной корпорации, отличающийся гораздо более высокой эффективностью своего аппарата управления (своей бюрократии), за счет привлечения широко образованных и более интеллектуальных сотрудников, а также создания гибкой, «сетевой» структуры. В них подразделения работают почти полностью самостоятельно и появляется возможность заменять вертикальные, командные методы координации действий и управления – горизонтальными, методами стимулирования. Условием для эффективной работы этих «умных фирм» является общее представление сотрудников техноструктуры о целях фирмы и согласие с руководством относительно стратегии. Опыт «умных корпораций» может быть использован и для совершенствования работы государственной бюрократии, по крайней мере, в те периоды, когда в стране духовный подъем, и народ верит в неминуемое улучшение жизни.

Совершенствование государства и поддержание его ценностно-смыслового статуса. В современной России государство, несмотря на все его недостатки, является важнейшим фактором, выполняющим функцию ценностно-смыслового объединения народа, а также двигателя и инструмента социально-экономического развития. Чтобы успешно выполнять эту задачу, необходим двуединый процесс: совершенствования его самого, оздоровления от старых и новых болезней, а также поддержания его ценностно-смыслового статуса, т. е. необходимого и возможного, реального и должного образа как представителя и защитника интересов народа. Для этого идеология государственников должна преодолеть тот негативный образ российского государства, который был создан в период холодной войны не только в антисоветских либеральных кругах, но и в левых движениях.

Важнейшую тенденцию внутривнутриполитического развития (и стратегическую задачу Президента, которая согласуется с этой тенденцией) можно сформулировать как достижение и поддержание *государственно-частного партнерства* (или партнерства государства с крупнейшими экономическими и политическими институтами) при преобладающей роли государства.

Согласно Конституции РФ (Статья 7), Российская Федерация является *социальным государством*. Это означает, что государство несет ответственность за обеспечение нормальных условий жизни всех значительных слоев населения, за устойчивость основных социальных структур, предотвращение опасных конфликтов. В условиях индустриального общества занятость основных социально-экономических классов (рабочих, крестьян, предпринимателей) обеспечивают организации производства товаров и услуг, которые могут успешно действовать в условиях рынка. С переходом к постиндустриальному обществу, экономике знаний эти виды занятости быстро сокращаются, возрастает доля занятых в секторах социальных услуг (здравоохранение, образование, социальное обеспечение). Эти сектора в условиях социального государства не могут быть целиком отданы рынку, поскольку они должны обслуживать все слои населения, в частности, предоставлять бесплатные услуги малоимущим, а также группам населения, пользующимся разного рода государственными льготами. Значительную их часть должно взять на себя государство. Кроме того, быстро увеличивается, если не занятость, то финансирование таких секторов, как наука, правоохранение, безопасность, аппарат государственного управления.

Быстрое возникновение и распространение новых технологий производства и управления социально-экономическими процессами также ведет к повышению значения государства, его компетенций и суверенитета. Внедрение новых технологий ведет к замене машинами и искусственным интеллектом больших контингентов работников, труд которых состоит в

выполнении повторяющихся операций. Это касается далеко не только физического и низко-квалифицированного труда, но и труда достаточно высоко-образованных работников. Эти процессы могут приводить к их длительной безработице. В западных странах давно изучаются слои трудоспособного населения, которые по объективным или субъективным причинам не могут найти постоянного места работы и длительное время живут на случайных, временных заработках. Этот социальный слой получил название *прекариат, прекарно занятые*. В России аналогичные контингенты, которые не готовы создать собственные предприятия или хотя бы зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, называют *самозанятые*. В условиях кризисов этот слой может оказаться источником антигосударственных и антиобщественных движений. В российских условиях государство обязано взять на себя ответственность за «встраивание» этого контингента населения в жизнь общества, за обеспечение им нормальных условий жизни. Это требует решения не только материальной части их социального обеспечения, но и помощи в поиске их места в обществе, обеспечивающего им осознание своей причастности к жизни общества. В России государство, поставив задачу развития в направлении реализации всех принципов социального государства, может стать смысловым, идеологическим центром жизни общества и, соответственно, получить для себя прочную социальную основу.

Одно из главных и несомненно перспективных направлений совершенствования государственной системы – создание системы народнохозяйственного планирования, учитывающей советский опыт, но использующей несравнимо большие возможности современных коммуникативных технологий, получения и обработки «больших данных», словом, цифровой экономики. Еще в 60-е годы в Советском Союзе началась разработка многоуровневой системы моделей итеративного планирования, предусматривающей непрерывный обмен информацией между регионами и экономическими секторами для учета поступающей в систему информации

об изменении внешних условий и инновационных инициатив участников разработки плана и исполнителей. В те давние времена, конечно, такие модели не могли выйти за рамки чисто научных разработок. Теперь новые возможности открываются не только за счет высокого уровня технологий. Современная многоуровневая система планирования должна предусматривать широкую самостоятельность экономических организаций и использовать как аппаратные, так и рыночные принципы отбора и согласования вариантов. Это неизбежно будет шагом к формированию эффективного синтеза плана и рынка.¹²

Важнейшим фактором, несомненно, будет уже создание центрального государственного органа, объединяющего специалистов по различным секторам, регионам, аспектам экономической деятельности. Этот Центр должен иметь систему моделей вариантного прогноза, получать информацию от локальных субъектов об изменениях ситуации (включая инновационные предложения), анализировать варианты ответов на ожидаемые вызовы. Эта система не будет похожа на директивное планирование. Если согласиться, что участие государства может в какой-то мере компенсировать недостаток предпринимательской активности в России, то эту роль, возможно, смогла бы сыграть вертикально структурированная система отношений между участниками экономической деятельности, похожая на систему *франчайзинга*.

Неотложная актуальность создания системы планирования определяется возможностью с ее помощью снизить уровень неопределенности даже близкого будущего: сейчас это серьезный фактор, ограничивающий инвестиционную активность.

---

¹² В последние десятилетия интерес к данной проблематике быстро нарастает (см., напр., доклад профессора Университета Нью-Йорка Дэвида Лайбмана [15]).

Литература

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Изд. дом «Классика-XXI», 2005, 2011.
2. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда. – М.: Изд. дом «Классика- XXI», 2012.
3. Мельянцев В. А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. //МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Ключ-С, 2015.
4. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М., ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. Полтерович В. М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11.
6. В. М. Полтерович К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации - Вопросы экономики. 2018. № 12.
7. Эффекты институциональных различий и институциональной ренты в российской экономике. – М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018.
8. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: Прогресс, 1969.
9. Васильев Л.С. Возникновение и формирование китайского государства в кн. "Китай: история, культура и историография". - М. "Наука" 1977.
10. Renaissance of Confucianism in contemporary China. / ed. Fan Ruiping – Dordrecht e. a.: Springer, 2011.
11. Гордон Ф. В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм – Традиционализм – Глобализм. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл. – М.:2017.
12. Фальцман В. К. Проблемы прогнозирования малого и среднего бизнеса. – Проблемы прогнозирования, 2019, №1.
13. Вахитов Р. Российский олигархат. Краткий курс истории. – Советская Россия, 31 января 2019/ Улики.
14. Де Сото Э. Загадка капитализма. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001.
15. Laibman D. Multilevel Democratic Iterative Coordination. Доклад на Четвертом международном политэкономическом конгрессе. – М.: МГУ, 2019.
16. Волконский В.А. Духовно-идеологические установки и их роль в истории. – Альтернативы, 2018, №4 и 2019, №2.
17. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. – М.: Книжный мир, 2014.
18. Ли Кай-фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

19. Глазьев С. Ю. Информационно-цифровая революция. \В книге коллектива авторов «Цифровая цивилизация. Россия и электронный мир XXI века». – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2018.
20. Волконский В. А. Смысл жизни и история. – Москва – Казань, Алтай-ТАУ, 2008. Также на сайте [www: kogiagina.com](http://www.kogiagina.com) .
21. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Айрис-пресс, Лагуна –Арт, 2004.
22. Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлутьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
23. Колганов А. И. Что такое социализм? Марксистская версия. - М.: Либроком, 2012.
24. Джемаль Г. Освобождение ислама. М.: УММА, 2004.
25. Пороховский А. А. Роль и судьба корпораций. – В книге « Гэлбрейт: возвращение». Под ред. С. Д. Борунова. – М.: Культурная революция, 2017.
26. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М., Эксмо, 2015.
27. Бузгалин А. В., Колганов А. И. По ту сторону Гэлбрейта: креатосфера, рынок и корпорации в начале XXI века. - В книге «Гэлбрейт: возвращение». Под ред. С. Д. Борунова. – М.: Культурная революция, 2017.
28. Дементьев В. Е., Устюжанина Е. В. Проблема власти с точки зрения институционального подхода. - JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований) vol. 8, no. 3. 2016.
29. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. – М., РИПОЛ, 2017.
30. Легкобитов Г. Кто кого? – Пятая газета, 12 февраля 2019, №7.
31. Мандел Э. Власть и деньги. – М.: Экономическая демократия, 1992.